
Часть

ЧТО
БЫЛО...

В Риме на лестнице площади Испании сидел совершенно счастливый человек. По крайней мере мне так показалось. Об этом свидетельствовала даже его поза. И выражение лица. Ему было лет сорок. И он с детским упоением лизал шоколадное мороженое из огромного вафельного рожка. Мне нравилось наблюдать за ним. Я вообще в последнее время полюбила это занятие — наблюдать за незнакомыми людьми и придумывать им историю. А этот был еще очень красив. Он, конечно, не итальянец. Скорее всего, скандинав. Светло-каштановые волосы, светлые глаза, то ли голубые, то ли зеленые, не разглядишь. Ботинки на нем явно очень дорогие. И часы. За годы работы в глянцевом журнале я научилась распознавать такие вещи. Интересно, чему он так радуется? Обручального кольца нет. Хотя это ничего не значит. А может, как раз этому он и радуется? Может, развелся, освободился? Если он был женат на итальянке, то развод дался ему ох

как нелегко... А я? К чему привела меня маниакальная идея замужества? С любимым не вышло, так хоть с кем... Мне вдруг стало страшно. Через две недели свадьба... И платье сшито... Верх изысканности — тончайший шелк цвета слоновой кости с брюссельскими кружевами... И свадебное путешествие заказано. На Мальдивские острова. Идея не моя. Но Серджи обожает дайвинг и рыбачьки приключения. А что мне-то там делать? Но я молчу. Мне в общем как-то все равно. Мальдивы так Мальдивы.

Я продолжала наблюдать за скандинавом. Громадная порция мороженого таяла, а он чересчур медленно и вальяжно его ел. Вот тормоз! Горячий скандинавский парень! Да сейчас мороженое потечет на дорогие светлые брюки. И точно!

— Ах мать вашу! — воскликнул он на чистейшем русском языке.

На брючине расплзлось большое шоколадное пятно. Он вскочил в растерянности, ловко зашвырнул мороженое в довольно далеко стоящую урну. Полез в карман за носовым платком...

Я вытащила из сумки пакетик с пятновыводящими салфетками.

— Вот, возьмите. Это ототрет пятно.

Он взглянул на меня с удивлением.

— Это пятновыводитель?

— Да. Только не тормозите, оттирайте скорее.

— Спасибо. Вы русская? А я решил, что вы типичная итальянка... И очень красивая.

А мне-то казалось, что он меня и не заметил.

— С ума сойти, кажется и вправду отходит...

— Возьмите еще одну. Эта уже грязная.

— Спасибо, вы просто чудо. Спасительница.

У меня через полтора часа переговоры, а гостиница далеко. Я бы не успел. Хотел уж бежать покупать новые брюки.

— Все в порядке. Теперь надо высушить пятно.

— Да тут на солнышке в миг высохнет. Чем я могу отблагодарить вас?

— Не о чем говорить. И вот, возьмите эту пачку. У меня еще есть.

— Ну, уж тогда я буду в неоплатном долгу.

— Пусть это будет ваш самый большой долг в жизни, — засмеялась я.

— Ненавижу быть должным. Долг даже в десять рублей меня напрягает.

— Хорошо, тогда в оплату этого непомерного долга скажите, почему у вас был такой невероятно счастливый вид? У вас случилось что-то хорошее? Поделитесь.

— Да нет... Ничего такого... Просто Рим, площадь Испании, потрясное мороженое, солнышко...

— Только и всего? А я решила, что вы... Впрочем, неважно.

— Нет уж, договаривайте. Что вы там насчет меня решили?

— У меня было два варианта. Либо вы здорово и счастливо влюблены...

— Либо наоборот, только что развелся?

— Именно!

— Увы, ни то ни другое. Просто я умею наслаждаться моментом. Мне было хорошо. Я ответил на ваш вопрос?

— Пожалуй.

— А что вы делаете сегодня вечером?

— Сегодня вечером... Я занята.

— Ну что ж, не смею настаивать. Но мне жаль. Скажите, прекрасная незнакомка, как вас зовут. Хотя сперва следует мне представиться. Гунар Липиньш.

— Вы латыш?

— На одну четверть.

— А меня зовут Фаина.

— Фаина? Какое редкое имя... Кажется, никогда не знал ни одной Фаины, кроме разве что Раневской.

Я развела руками и улыбнулась. Я все-таки почти угадала. Хоть и не скандинав, но прибалт, что в принципе почти одно и то же. Словом, викинг.

— А завтра, примерно в это время, вы свободны?

— Увы, нет.

— Ну что ж, тогда прощайте, прекрасная незнакомка. Нет, не так! До свидания, прекрасная Фаина.

— Удачи на переговорах, Гунар!

Я повернулась и пошла прочь. Почему я не захотела встретиться с ним еще разок? Испугалась? Наверное. Ни к чему мне сейчас заводить какие-то новые отношения. Я чувствовала, что понравилась ему... А он мне, кстати, не очень... слишком красивый.

Мои родители расстались, когда мне было десять лет. Поначалу я страшно горевала, но, повзрослев, поняла, что только чудом они продержались вместе столько лет. Как там у Пушкина: «Они сошлись. Вода и камень, стихи и проза, лед и пламень...» В отце бушевала смесь разных кровей — итальянской, еврейской, польской и русской. В маминых жилах текла смесь русской и финской. Мама во всем и всегда стремилась к порядку. Она просто не могла жить, если что-то было не сделано, не улажено, не соответствовало ее представлениям о пресловутом порядке. А отец был человек стихийный. Ему этот порядок претил, он вечно дразнил маму «Фрау Орднунг». Словом, они расстались. И я помню, когда отец забрал из

дому свои вещи, мама вдруг тяжело вздохнула. Но это был вздох облегчения. Наконец-то в доме воцарится порядок! И он воцарился. Но я затосковала. И с нетерпением ждала воскресений, когда отец забирал меня и мы с ним шли «нарушать порядок»! Это было так весело! Он вел меня куда-нибудь, куда мама ни за что бы меня непустила. Например, в Парк культуры на аттракционы. А потом в боулинг, тогда это называлось «кегельбан», где пили пиво, курили и вообще была совсем не детская атмосфера. Тем более, что там стояли чуть ли не первые в Москве игровые автоматы. Папа катал шары, а я играла на автоматах. Потом мы шли в какой-нибудь ресторан в творческих клубах Москвы. В Дом кино или Дом литераторов или Дом архитектора или ВТО. Отец был модным фотографом. Разумеется, маме я не рассказывала о наших похождениях. Я говорила, что мы были в цирке или в театре или в зоопарке.

— Не надо маме все рассказывать, она огорчится, — предупредил отец.

— Папа, но ты же сам сколько раз говорил — врать нехорошо.

— Врать плохо, а вот умолчать иной раз просто полезно для здоровья.

— Для маминого здоровья? — уточняла я.

— Для всеобщего здоровья, — смеялся папа.

...Так прошло три года. Я выросла. Мама вышла замуж. Ее новый муж казался мне самым скучным человеком во всем свете. Но зато он тоже любил порядок. Помню, я говорила своей закадычной подружке Татке:

— Не понимаю, как она может... После папы... От этого ее Валечки такой тоской веет, он такой правильный, скучный, я, как его вижу, зевать начинаю! Жуть с ружьем!

— Нет, похоже, именно без ружья! — предположила Татка.

Мы ржали.

За мной начали бегать парни. И я влюбилась. В десятиклассника. Он тоже не остался равнодушен. И однажды, провожая меня после кино, решился наконец меня поцеловать. Я давно этого ждала. И мы стали целоваться как ненормальные. За этим упоительным занятием нас и застал мамин муж Валентин Валентинович.

— Фаина! Ступай немедленно домой! Мне надо поговорить с этим юношей.

— Не надо вам с ним говорить! — возмутилась я. — Вы мне никто! У меня есть отец, и если надо, то он с ним сам поговорит.

У отчима покраснели уши и кончик носа. Он возмущенно запыхтел, но все-таки схватил меня за руку и поволок в квартиру.

— Не смейте ее трогать! — заорал Сенька.

— Уйди, мерзавец!

— Он не мерзавец! — завопила я. — И отпустите меня!

На наши вопли выскочила мама.

— Что тут происходит?

— Леля, твоя дочь совсем потеряла стыд!

— Сенька, уходи! — шепнула я. — Сама разберись!

Когда мы наконец вошли в квартиру, мама ледяным тоном спросила:

— Что случилось, Валя?

Если бы она спросила об этом у меня, все могло бы сложиться иначе. Но она спросила у него.

— Леля, твоя дочь ведет себя неприлично. Обижается со взрослыми парнями. И это только видимая часть айсберга. Я убежден, что она уже живет с мужчинами. Посмотри, какой у нее вид! Малолетней проститутки! Это все влияние ее папаши! Я предупреждал, что ребенка надо от него изолировать! Но теперь уже поздно.

Всю эту ахинею он произносил как-то монотонно, то есть не сгоряча. Я в ужасе смотрела на маму. Неужто она не возьмет мою сторону? Не пошлет его куда подальше, не влепит пощечину за оскорбление ее единственной дочери?

Ничего этого она не сделала. Только положила руку ему на плечо и прошептала:

— Успокойся, Валечка!

А мне бросила:

— Ступай в свою комнату!

Я кинулась к себе, попихала какие-то вещички в спортивную сумку и тихонько проскользнула в прихожую. Приоткрыла входную дверь, шмыгнула на лестницу и была такова.

Увидев меня в полдвенадцатого ночи на пороге своей квартиры, отец опешил:

— Бамбина, что стряслось?

Почему он вдруг назвал меня бамбиной?

— Папочка, я не могу больше так жить! Я теперь буду жить с тобой! Этот тип...

— погоди, не с порога. Войди, закрой дверь. Вот так. Ну, что там случилось? Кто обидел мою дочку?

Я все ему рассказала.

— Понятно. Ну, рыдать не стоит. А скажи мне честно, что у тебя с этим Сенькой?

— Да ничего, мы просто целовались, и то в первый раз.

— Это правда или ты о чем-то умалчиваешь?

— Нет, папочка, честное-пречестное слово!

— Ладно, переночуешь у меня. А завтра все утрясется.

— Нет, я там жить не буду! Разве можно жить в одной квартире с... хладнокровными? Мы с тобой теплокровные, а они...

Отец расхохотался, поцеловал меня в нос.

— Ты есть хочешь?

— Хочу! Очень!

— Ладно, пошли на кухню, заодно и поговорим.

Отец ловко и быстро поджарил мне кусок мяса, которое, несмотря на дефицит всего в стране, не переводилось в его холодильнике. Это было так вкусно!

— Вот что, бамбина...

— Пап, с чего это ты вдруг стал звать меня бамбиной?

— Видишь ли, моя дорогая, я в скором времени уеду...

— Куда?

— В Италию.

— Вот здорово! Надолго?

— Ну... в общем... навсегда, наверное.

Я похолодела.

— Как навсегда? А я? Как же я?

— А ты сможешь приезжать ко мне, и я тоже непременно буду приезжать. Я ведь не эмигрирую, я женюсь. А при таком раскладе это будет возможно, я узнавал. Поди плохо — на каникулы ездить в Италию.

Я разревелась. Мне было так горько, так больно, казалось, я не переживу такого предательства.

Я схватила сумку и бросилась к двери. Отец меня поймал.

— Куда это ты, бамбина, собралась среди ночи?

— Неважно! Куда глаза глядят! А лучше всего просто замерзну. Там мороз...

— Что ты несешь, дурища!

— А зачем мне жить, если в один день и отец и мать меня предали! — вопила я.

— А ну замолчи! — и он плеснул мне в лицо холодной водой, — рано тебе еще, милая моя, истерики закатывать, носом не вышла! Соплячка! Предали ее! Дура, — кипятился отец. Я никогда его таким не видела. — Ты что, считаешь себя центром вселенной? Думаешь, ты вправе распоряжаться чужими жизнями? Подумаешь, мамин муж тебе замечание сделал! А родной отец решил жениться... Такое бывает! Ты скажи спасибо, что у тебя и отец и мать живы и заботятся о тебе...

— Какая трогательная забота! Ты живи, Фаина, с этими земноводными, а я себе в Италии буду жить.

В этот момент раздался звонок в дверь.

— Невеста твоя приперлась?

— Нет. Она в Италии. Скорее всего, это мама.

Звонок повторился.

— Не открывай!

— Еще чего!

Это и в самом деле была мама.

— Виталий, она у тебя?

— Да, куда ж ей еще идти... Заходи.

— Фаина, не прячься! Что в самом деле случилось? Чего ты взбеленилась?

— А ты не понимаешь? Твой эсэсовец лезет в мою личную жизнь! А ты его поощряешь! Ты вообще готова перед ним на задних лапках плясать, потому что он, видите ли, тоже любит порядок! Орднунг юбер аллес!*

Отец легонько усмехнулся.

— Прекрати глупости! — поморщилась мама. — Люди разные бывают, и, поверь, любовь к порядку не такое уж дурное качество.

— Если эта любовь не маниакальная! — крикнула я.

— Леля, это даже хорошо, что ты приехала, надо поговорить.

— О чем говорить среди ночи! Мне с утра на работу.

— Ну что ж, вольному воля. Но в таком случае Фаина останется у меня.

— Об этом не может быть и речи. Ты плохо на нее влияешь.

— Я останусь у папы!

* Порядок превыше всего! (нем.).

— С какой стати? Тебе утром в школу! А ты уроки не сделала. Таскалась с этим парнем! О чем вообще ты думаешь? О чем угодно, кроме учебы... Короче, бери сумку и поехали домой.

— Леля, я обещаю тебе утром отвезти Фаину в школу.

— Нет. Нельзя создавать прецедент. Она теперь, чуть что не по ней, будет бегать к тебе, а это неправильно. К тому же я не знаю, на что она может тут наткнуться... Это не лучший пример для девочки в ее возрасте.

— На что бы я тут ни наткнулась, это будет нормальнее, чем этот твой... рыбец.

Отец фыркнул.

— Фаина, или ты сию минуту едешь со мной, или...

— Или что? — вдруг разозлился отец.

Мама вдруг испугалась. Махнула рукой.

— Ладно, но утром ты привезешь ее в школу.

Она ушла.

— Папочка, спасибо.

— Да, дочь, задала ты мне задачку.

— Какую задачку? Утром сбagriшь меня в школу, а сам упорхнешь в свою Италию. И даже не вспомнишь обо мне.

— Ну ты и дура! Думаешь, это так просто — упорхнуть в Италию? Боюсь, на это уйдет около года.